Моск. комсомолец. – 2003 – 15 февр. – с.5.

15 февраля 2003

ОСТРОВ ЛИТЕРАТУРА

Ведущая
Наталья ДАРДЫКИНА

МАНДАТ НА УБИЙСТВО

Среди знаменательных дат наступившего года — 110-я годовщина Владимира Маяковского. Недавно музей великого поэта и Библиотека иностранной литературы им. Рудомино устроили встречу интеллигенции с автором эпатажной книги "Шут у трона революции" Брониславом Горбом. Все 999 нумерованных томов тиража передаются автором в дар региональным библиотекам и университетам России и зарубежья, имеющим кафедры русского языка и литературы.

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Вероника Полонская.

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Татьяна Яковлева.

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Театр абсурда

Название и содержание книги полемично. Многих шокирует слово "шут". У правящего трона Маяковский никогда не подвизался — он колебал его, доставал, раздражал независимостью высказываний и парадоксами своих приговоров. Поэт предсказал обновляющую стихию революции. Однако Октябрьский переворот сразу принял кроваво-пародийное обличие. И пригодилось поэту его природное театральное дарование: "Хорошо, когда в желтую кофту душа от осмотров укутана". Чтобы не выронить перо из рук, пришлось овладеть искусством скомороха и шута. Радикально изменился язык поэтических текстов Маяковского. Чаще автор пользовался не собственно авторской речью. В строчки, в строфы врывались крики, стоны улицы.

Поэзия во все времена — эхо жизни. Стыдно обвинять поэта в жестокости, как это делает критик Б.Сарнов. Куда полезнее было бы литературному костолому, вместо варварских обрезаний и усечений Маяковского, порыться в партийных документах, чтобы обнаружить настоящих зачинщиков жесточайшего красного террора. Так, 9 августа 1918 года Ленин отправил телеграмму в Пензенский губисполком: **"Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении".** То есть — выполняйте немедленно и без суда.

Поэт постоянно играл с огнем, позволяя себе очень опасные рифмочки: "В СССР от веселости стонут целые губернии и волости". Помпадуры, главначпупсы, взяточники, подхалимы, хапуги и лизуны — очень колоритные персонажи сатиры Маяковского, в наши дни они стали матерыми вседержителями. Поэт предсказал хозяйственный и человеческий распад революционного ковчега.

На волне тектонического крушения коммунистической системы стало модным ниспровергать Маяковского, называть его чуть ли не главным ответчиком за все, что натворила ленинско-сталинская партия. Хулители поэта получают возбуждающий адреналин из книжки Ю.Карабчиевского "Воскресение Маяковского". Но, увы, автор придуманной концепции свои умозаключения строит на подмене понятий: эпатирующие признания персонажей и лирических героев Маяковского Карабчиевский истолковывал буквалистски — он их вменял самому поэту, обвиняя его во всех смертных грехах, даже позволил себе постыдное высказывание: "Маяковский личностью не был". Литераторы и критики помельче Карабчиевского тоже постарались не отстать. Можно обнаружить примечательное сходство вдруг прозревших ниспровергателей: никто из них не удосужился прочесть Маяковского незашоренными глазами. Возможно, знаком раскаяния стал добровольный уход из жизни Юрия Карабчиевского.

Горб начинает свой рассказ не с рождения поэта — мы читаем о скоропалительных похоронах Маяковского. Государственные службы сварганили "Железному поэту — железный венок", машину с гробом вел известный фельетонист.

А далее следует фантасмагорическая картина сжигания тела поэта: "...четверо участников после траурных речей, будто ведомые нечистой силой, спустились зачем-то в самое нутро крематория Донского монастыря — как в преисподнюю. У карикатурного подобия геенны огненной — пылавшей печи — трое курили, обсуждая бренность бытия, четвертый же, тучный лакей-баснописец, прикипел к железному глазку дверцы печи самозваным сталеваром дьявола, наблюдая с нездоровым интересом, как пламя охватило покойника, и, словно в сатанинском тигле, тело поэта стало обугливаться.

Сожгли, спрятали концы в пепел — и постарались забыть. Вокруг имени поэта сгустилась тина умолчания — словно человека и не было. В конце мая 1930 г. вышел 5-й том Малой советской энциклопедии. О Маяковском там сказано, что это "анархист-бунтарь", "попутчик революции", которому "чуждо мироощущение пролетариата как организованной системы идей, чувств и настроений". В 1934-м запретили читать его стихи со сцены и на радио. "Известны случаи, когда за чтение и передачу другим стихов поэта людей исключали из партии и комсомола, выгоняли с работы".

Все переменилось вдруг. 24 декабря 1935 г. у Я.Агранова в Кремле Лиля Брик под его диктовку написала жалобное письмо Сталину о том, что несправедливо замалчивают и не издают Маяковского. Произошло невероятное. На крыльях разлетелись слова Сталина, повторившие текст Лили: "Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи". Началась лавина пафосного возвеличивания поэта.

А между тем мыслящих людей волновало, почему же прах "лучшего и талантливейшего" не был предан земле? В книге "Шут" читаем: "Горстка праха поэта в бетонной вазе сиротливо покоилась невостребованной рядом с безымянными жертвами сталинских репрессий в одной из ниш Донского монастыря до 1952 года".

"Totentanz"

Спорная книга Б.Горба вводит читателя во все реальные и мистифицированные подробности гибели поэта. Конечно, не он один пытался установить истинную причину трагедии. Вызвал разное отношение читателей почти детективный сюжет в статьях В.Скорятина об убийстве Маяковского. Итальянец Эджидио Гуидубальди в книге "От Маяковского к Дантовскому Интернационалу" отметил "серьезно аргументированную версию психологически внушенного самоубийства", высказанную Константином Кедровым. У Бронислава своя версия: "В 20-е годы номенклатура нутром чувствовала в Маяковском динамитчика". Ленинское "живое удовольствие" от стихотворения "Прозаседавшиеся" на время отвело поэта "от края расстрельной ямы". Хорошо, что Ильич не вчитался внимательно в стихи, иначе узрел бы в гениальной сатире призыв к искоренению самой системы.

Автор "Шута" рассматривает творчество поэта как талантливое продолжение мировой смеховой культуры. Троцкий, находившийся в конфликте со Сталиным, написал почему-то статью о Маяковском. "Статья поэту нравилась. Троцкисты использовали старые плакаты РОСТА для доказательства того, что партия и советская система под руководством Сталина деградирует. Противостояние Троцкого и Сталина в ноябре 1927 г. вылилось в Москве в две одновременные демонстрации их сторонников — обе на тему Октябрьского переворота... Троцкисты расклеивали по городу один из плакатов Маяковского — РОСТА №393. Сталинисты плакат яростно срывали..."

Естественно предположение вдумчивого читателя: "Тогда-то, по-моему, и был выписан мандат на убийство автора лубка РОСТА №393. Оставалось только поставить на нем дату". Окна РОСТА содержали мощный и опасный заряд. Еще 8 сентября 1921 г. в "Правде" был опубликован фельетон "Долой маяковщину". Вслед за ним были уничтожены язвительные плакаты РОСТА.

Зарубежные читатели Маяковского прочли его личную жизнь и трагическую судьбу куда точнее соотечественников. "В Лейпцигском театре оперы и балета в 98-м году поставлена опера "Majakowskis Tod — Totentanz" — "Смерть Маяковского — пляска смерти".

Любовная лодка

И в любви выбор Маяковского оказался смертоносным. Сложный дрейф поэта на советском дредноуте очень драматично сказался на его личных отношениях с любимыми женщинами. В мельчайших подробностях изучен мучительный роман с Лилей Брик. Но мало кто знает, что в США у поэта были нежные отношения с Лизой Зиберт (Элли Джонс), эмигранткой из России, родившей поэту дочь. В 1928 г. Элли привезла дочку Елену в Ниццу, где поэт с ними встречался. Узнай про это кто-то из советских друзей или недругов, и жизнь Владимира оборвалась бы еще раньше. Его американская дочь Хелена-Патриция Томпсон бывала не раз в Москве. В день 100-летия Маяковского на Лубянке, в музее, я видела ее вместе с сыном Роджерсом, внуком поэта: очень высокая, гордая женщина плакала в той комнате, где разыгралась в 30-м трагедия. Прах Элли Джонс ее дочь, Елена Владимировна, захоронила рядом с Маяковским. В эту тайну поэта был посвящен только Давид Бурлюк, его преданный друг, и хранил ее 60 лет.

Драматический роман Маяковского с Татьяной Яковлевой в Париже по определению не мог иметь счастливого конца. Напрасно Татьяна, русская эмигрантка из Пензы, ждала решающего приезда поэта в Париж. Визы ему не дали. Володя 12 июля 1929 года писал любимой: "С сентября начну себе отращивать крылышки для полета на тебя". Поэт насторожил ОГПУ своим обещанием в стихотворении "Письмо Татьяне Яковлевой": "Я все равно тебя когда-нибудь возьму — одну или вдвоем с Парижем". Отпусти такого в Париж — останется навсегда! В письме к Татьяне от 16 июля 29-го года он звал ее в Москву, но приписал завуалированное страшное предостережение: "Танька инженерица где-нибудь на Алтае. Давай, а?" Смысл этой риторической приписки был красавице очень понятен. Вероятно, поэт знал, что готовится Закон о невозвращенцах, который и был принят 21 ноября 29-го года: невозвращенцам обещана смертная казнь. "Волки революции", когда-то сожравшие кадета, с еще большим аппетитом проглотили бы и красавицу, "в шелка и бусы оправленную". У Бронислава читаем: "Лучшие фотографы Франции снимали ее для открыток. Киношники... сняли в двух фильмах. Наряды русской красавице шила сама Шанель".

И наконец, последняя надежда поэта — Вероника Полонская. Так называемое "предсмертное" письмо автор исследовал с криминалистической дотошностью. И доказал, что набросок был сделан только для Полонской на телеграфном бланке. Он хотел всего лишь любым способом уговорить замужнюю 21-летнюю актрису переехать немедленно к нему. И позднее Полонская подтвердила, что дала свое согласие на этот отважный шаг. Утром 14 апреля обещала, что вечером приедет к нему навсегда.

Автор "Шута" доказывает мистификационный, игровой характер "предсмертной" записки поэта, он подверг сомнению и официальную экспертизу орудия убийства поэта. Василий Катанян видел рядом с телом погибшего маузер. Табельное оружие № 312045. Но свой маузер Маяковский сдал в ОГПУ еще в 28-м году, как только закончилось разрешение на его хранение. У поэта оставался браунинг. И лишь потом к вещдокам, изъяв маузер, подложили браунинг поэта. "И здесь начинается самое удивительное: кто подменил вещдоки, если они все время находились в НКВД у Агранова?" И как вообще производили следствие о самоубийстве, если не приняли во внимание свидетельство соседей о двух выстрелах?

На квартире поэта в Гендриковом переулке в это время проживал приставленный к Маяковскому чекист. Он-то и нашел там странный набросок предсмертного письма. На нем стояла дата 12 апреля. Тайные службы подготовиться успели. 13-е пришлось на воскресенье. 14 апреля в цирке должна была состояться премьера спектакля Маяковского "Москва горит". Готовилась роскошная феерия с участием 500 актеров. Маяковский напридумывал множество зрелищных эффектов. И вдруг премьеру перенесли на 21-е. На 14-е назначили прогон представления, и на нем Маяковский обязательно хотел быть. И почему-то за два часа до долгожданной репетиции поэт вдруг задумал убить себя? Да еще за полчаса до прихода кинорежиссера Довженко с женой. В это поверить невозможно...

Когда-то Марина Цветаева назвала Маяковского "гладиатором вживе". Такими гладиаторами были и его друзья-единомышленники — Мейерхольд, Эйзенштейн. Жизнь гладиаторов обрывается внезапно.

Бессмертная полифония

Поэту приходилось наступать на горло собственной песне. Еще не сочинили исследователи книгу о трагедийности личности и судьбы поэта, бросившего талант и жизнь свою на раскаленную наковальню революции. Во имя желанного будущего он постоянно совершал собственные жертвоприношения. И потому была в нем не остановима личная страсть "свидетеля счастливого": он хотел, "чтоб в мускулы усталые лилась строящая и бунтующая сила". Автор "Шута", на мой взгляд, слишком настойчиво сдвигает творчество поэта к шутовству и скоморошеству. Бесперспективно выпрямлять и округлять отношения поэта с действительностью.

Не соглашусь с Брониславом, что "игра — все равно главная движущая пружина в жизни Маяковского". Ох, и посмеялся бы Владимир Владимирович над нелепой "движущей пружиной". И в поэме "Ленин" не играл Маяковский роль скорбящего. Не смехач видит "гроб этот красный, к Дому Союзов плывущий на спинах рыданий и маршей". В этом траурном шествии миллионы хоронили свои надежды и чаяния. Усиленный мотив шутовства приглушает полифонизм творчества Маяковского. Сложнейшее сплетение противоречий не уложить в карнавальную тему скоморошества. Чуткое ухо всегда слышало полифонию поэзии Маяковского. "Дм. Шостакович считал себя в первую очередь учеником великого поэта. И, по его собственному признанию, он, композитор, учился у Маяковского полифонии".

Автор "Шута" по внутреннему темпераменту вовсе не полемист. Во всяком случае, перед слушателями этих качеств он не обнаруживает. Однако в книге своей наносит ощутимые удары по сочинителям странных книжек и статей о Маяковском. Достается от него и талантливому Юрию Карабчиевскому, и утратившему былую прозорливость Бенедикту Сарнову. Карабчиевский попытался нашпиговать душу Маяковского неким дьявольским подобием, превратно истолковал фразу поэта "Я люблю смотреть, как умирают дети". Вслед за Карабчиевским закричали и другие — "Какой ужас!" И не вникли в смысл стихов, написанных молодым поэтом в 1913 году для сборника "Пощечина общественному вкусу". Володе не было 20. Его шокировали улицы с "покровом блуда", где "колосья грудей для жатвы спелы". Цикл из четырех стихотворений пронизан ужасом первого плотского познания — наблюденного, чужого, но убивавшего в нем самом ребенка. В стихотворении "1. Я" поэт приписывает себе тяжелый опыт улицы: "По мостовой моей души изъезженной шаги помешанных вьют жестких фраз пяты..." Какая изъезженность души может быть у юного существа? Совершенно очевиден здесь поэтический прием, а не реальность. "2. Несколько слов о моей жене" строится на живописных видениях: "Морей неведомых далеким пляжем идет луна — жена моя. Моя любовница рыжеволосая". Ясно как день: никакой жены и любовницы у юноши нет. В том же духе строится и "3. Несколько слов о моей маме": "У меня есть мама на васильковых обоях, а я гуляю в пестрых лавах". И здесь — не реальные детали биографии, а метафорическое воображение поэта.

Какая глухота и слепота нужна, чтобы четвертое стихотворение "Несколько слов обо мне самом" свести к протокольно-криминальному обвинению: "Я люблю смотреть, как умирают дети". Читайте глазами, а не сочиняйте небылицы! В стихотворении нет рассказа о физической смерти кого бы то ни было. Это драма невинного подростка, увидевшего вблизи шаги помешанных на плотских утехах. Лирического героя сводит с ума "тоски хобот" пробудившихся желаний, невозможность и греховность их прилюдного осуществления: "Полночь промокшими пальцами щупала меня и забитый забор, и с каплями ливня на лысине купола скакал сумасшедший собор". Что делал лирический герой у этого забора, чтоб увидеть такую картину? И он кается: "Я вижу, Христос из иконы сбежал..." И дальше идут молитвенные, языческие строки: "Солнце! Отец мой! Сжалься хоть ты и не мучай!"

Лирический герой предстает не утратившим своей невинности: "Время! Хоть ты, хромой богомаз, лик намалюй мой в божницу уродца-века! Я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека!"

Образная система раннего Маяковского сложна и притягательна для изощренного ума. Знаменитый экзистенциалист Жан-Поль Сартр был потрясен Маяковским. Лауреат Нобелевской премии Альбер Камю утверждал: "Маяковский — гений". Во все времена гении с властью не совпадали. Маяковский не совпал и с организаторами и с заказчиками убийства Николая II и его семьи. Встреча поэта в Варшаве с послом Войковым приоткрыла Маяковскому тайну захоронения убиенных. И он поехал в Свердловск искать это место. В пейзажной зарисовке стихотворения "Император" слышится скорбь и сочувствие. "Снег заносит косые кровельки, серебрит телеграфную сеть, он схватился за холод проволоки и остался на ней висеть... Вселенную снегом заволокло. Ни зги не видать — как назло. И только следы от брюха волков по следу диких козлов". Тех козлов, что участвовали в убийстве царя: "Здесь **ке**др топором перетроган, зарубки под **ко**рень **ко**ры, у **ко**рня, под **ке**дром, дорога, а в ней — император зарыт". Значимы аллитерации — "ке... ко... ко... ко... ке" — словно хищное карканье воронья.

В записной книжке поэта 1928 года остался вариант строфы, очень важной для понимания личного отношения поэта к убийству державной семьи: "Я сразу вскину две пятерни, что я голосую против... Мы повернули истории бег. Старье навсегда провожайте. Коммунист и человек не может быть кровожаден".

Идешь поперек власти — получай пулю.

Наталья ДАРДЫКИНА.